

МАЛАЕВ Азрет Хусенович,
преподаватель кафедры организации
правоохранительной деятельности, капитан полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРЕСТУПНОСТЬ КАК СЛОЖНЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН: ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ С УЧАСТИЕМ НЕ ТОЛЬКО ГОСУДАРСТВА, НО И ОБЩЕСТВА

Аннотация. Указанная тема требует концептуального ответа и автор разделил: обоснование преступности как сложного социального (не только юридического или индивидуально-психологического) феномена, ограниченность чисто государственного подхода и конкретные формы и механизмы общественного участия. Отмечено так же, что необходимо избегать призывов к самосуду или вигилантизму, а сосредоточиться на конструктивных, социально признанных формах.

Автор начал с тезиса о неэффективности репрессивной модели, затем разобрал социальную природу преступности (детерминанты в обществе) и почему только государства недостаточно (ресурсы, профилактика, доверие). Немаловажным аспектом является формулировка основных направлений общественного противодействия: социальная профилактика (НКО, волонтеры), общественный контроль (дружины, видеонаблюдение), ресоциализация, криминологическое просвещение. Завершается исследование выводом о партнерстве «государство-общество» и переходе от наказания к управлению рисками.

Ключевые слова: репрессивная модель, социальная природа преступности, детерминанты в обществе, государства недостаточно (ресурсы, профилактика, доверие, социальная профилактика, общественный контроль (дружины, видеонаблюдение), ресоциализация, криминологическое просвещение.

MALAYEV Azret Khusenovich
Lecturer, Department of Law Enforcement,
Police Captain

CRIME AS A COMPLEX SOCIAL PHENOMENON: RESPONSE INVOLVING NOT ONLY THE STATE BUT ALSO SOCIETY

Annotation. This topic requires a conceptual response, and the author has distinguished between the justification of crime as a complex social (not just legal or individual-psychological) phenomenon, the limitations of a purely state-based approach, and specific forms and mechanisms of public participation. It is also noted that calls for lynching or vigilantism should be avoided, and that constructive, socially accepted forms should be emphasized. The author began with the thesis of the ineffectiveness of the repressive model, then examined the social nature of crime (determinants in society) and why the state alone is insufficient (resources, prevention, trust). An important aspect is the formulation of the main areas of public response: social prevention (NGOs, volunteers), public control (squads, video surveillance), resocialization, and criminological education. The study concludes with a conclusion about the "state-society" partnership and the transition from punishment to risk management.

Key words: repressive model, social nature of crime, societal determinants, insufficient state resources, prevention, trust, social prevention, public control (squads, video surveillance), resocialization, criminological education.

Преступность действительно представляет собой сложный социальный феномен, поскольку ее причины коренятся не только в личностных девиациях, но и в укладе самого общества: экономическом неравенстве, разрыве

социальных связей, правовом нигилизме и слабости институтов социализации.

По мнению Малкова В.Д. - преступность - собирательное понятие. Она представляет собой социальное явление, включающее совокупность

различных актов индивидуального преступного поведения. Однако для преступности свойственно преодоление этих индивидуальных черт и наличие общих для всех преступных деяний признаков, совокупность которых и определяет ее сущность и понятие. Под преступностью в криминологии понимается социальное, исторически изменчивое, массовое, уголовно-правовое, системное явление общества, проявляющееся в совокупности общественно опасных уголовно наказуемых деяний и лиц, их совершивших, на определенной территории за определенный период времени [1].

Противодействие преступности только силами государства (полиция, суды, ФСИН) часто оказывается недостаточно эффективным, особенно в отношении латентной (скрытой) и бытовой преступности. Государство реагирует постфактум, а общество способно работать на упреждение.

Вот как может и должно выглядеть участие общества в этом противодействии:

- общественные организации и НКО: в рамках работы с «трудными» подростками, реабилитация наркозависимых и бывших заключенных. Государство часто жестко карает, а общество (волонтеры, психологи) возвращает человека в норму, разрывая рецидивную цепочку;
- в экономическом плане: создание рабочих мест и досуговых центров в депрессивных районах. Экономическая пассивность является условием и питательной средой для имущественных преступлений.

Еще одним фактором ресоциализации и постпенитенциарной помощи является непосредственная работа с человеком, освободившимся из мест лишения свободы, увы данное направление-самое слабое в указанной системе. Общество здесь критически важно, вернее его поддержка в максимально быстрой адаптации, например, участие религиозных общин и центров адаптации в рамках предоставления временного жилья, работы и т.д. Важным фактором так же является отказ от стигматизации, «клейма» зэка. Если общество отвергает человека после освобождения, и он ощущает, что чужой, оно толкает его обратно в криминал-это очевидно.

Всестороннее и глубокое изучение преступности не может осуществляться без учета ее последствий. Особенно это важно при разработке мер предупреждения преступлений, ограничения, минимизации вреда от их совершения [1].

Данные ФСИН России: общий уровень рецидива среди освободившихся из мест лишения свободы - около 50% в течение 3 лет. Пример НКО «Руки помощи» (Санкт-Петербург), чья Программа включает размещение, трудоустройство

и психологическую поддержку. Из 320 бывших заключенных, прошедших программу, только 14% совершили новое преступление в течение 2 лет (против 50% в контрольной группе без поддержки). Экономический эффект: предотвращение одного рецидива обходится государству в 1,2 млн руб. (содержание в СИЗО, суд, новый срок), а работа НКО стоит около 150 тыс. руб. на человека. Еще один пример, в 2022 году в Краснодарском крае центр адаптации «Шанс» закрылся из-за отсутствия муниципального финансирования, а 70 его подопечных остались без жилья и работы по данным местного УВД, 23 из них в течение полугода были задержаны за кражи и разбои.

Далее отдельным моментом необходимо рассмотреть факторы контроля и сдерживания. Реализуются они в современных аналогах добровольных народных дружин: патрулирование в парках, вблизи школ, при этом они не подменяют полицию, а фиксируют нарушения и вызывают наряд. Это создает эффект «всевидящего ока». Товарищества собственников жилья (ТСЖ) и домовые комитеты: организация видеонаблюдения, контролируемый доступ в подъезды. Это снижает квартирные кражи и наркопритоны.

Немного статистики в 2021 году в Подмосковье действовало около 1 200 дружин общей численностью более 18 000 человек. По данным ГУ МВД по МО, при участии дружинников раскрыто 3 247 преступлений (в основном кражи, грабежи, хулиганство). В городском округе Химки после усиления патрулирования парков и дворов количество уличных грабежей снизилось на 27%. Но существуют и вызовы в данном направлении: в ряде регионов дружины формальны - например, в Саратовской области проверка прокуратуры выявила, что 40% дружинников ни разу не выходили на дежурство [2].

Исследование НИУ ВШЭ: опрошено 1 500 домов в 10 городах РФ. В домах с работающим ТСЖ и видеонаблюдением количество квартирных краж на 43% ниже, чем в домах без общественного контроля. В домах, где жильцы создали чаты в мессенджерах и оперативно сообщают о подозрительных лицах, полиция задерживает злоумышленников в 2,5 раза быстрее (по данным опроса участковых). В Екатеринбурге, ЖК «Академический». Жильцы через чат заметили серию краж велосипедов из подъездов. Сбрав фото и видео, они передали данные в полицию, и организатора (ранее судимого) задержали в течение недели [2].

Привлечение населения к укреплению законности и активизации борьбы с нарушениями общественного порядка актуализировались в СССР в начале 1960-х гг. в контексте реализации государственного курса по созданию «общенародного государства» и передачи части управ-

ленческих функций общественности, обозначенного в начале 1960-х гг. и трактуемого властью как одно из условий успешной борьбы с правонарушителями и фактор развития демократических принципов в организации деятельности милиции [3]. Наиболее распространенными формами взаимодействия милиции и общественности явились создание добровольных народных дружин, товарищеских судов и т.д.

Важнейшим фактором противодействия преступности на наш взгляд является Правовое просвещение, и культура в рамках которой задействуются школьные родительские комитеты, осуществляющие контроль за буллингом (школьной травлей), которая часто перерастает в подростковую преступность. И конечно - общественный мониторинг, когда правозащитные организации следят за действиями самого государства (коррупция, превышение полномочий и т.д.), тем самым снижая уровень криминализации среди представителей власти. Однако участие общества не должно выражаться в самосуде или вигилантизме.

Вигилантизм - это гражданская инициатива по самостоятельному преследованию и наказанию правонарушителей (самосуд) в обход официальных правоохранительных органов. Вигиланты действуют из чувства гражданского долга или недоверия к власти, но с точки зрения закона такие действия часто являются уголовно наказуемыми [4].

В заключение рассмотрим определенные ограничения и риски, в числе которых можно сформулировать: злоупотребление: недопустимо, чтобы охранные ЧОПы или «активисты» брали на себя функции следствия и наказания (закон о самообороне против незаконных действий). Далее, коррупция, общественные структуры могут сращиваться с криминалом (например, «крышевание» бизнеса под видом охраны порядка). На сегодняшний день эффективной моделью видится – субсидиарность, когда государство отвечает за насильственное принуждение (арест, следствие, тюрьма), а общество - за устранение причин и социальную реабилитацию.

Гока общество будет пассивно перекладывать заботу о безопасности только на правоохранительную систему, преступность будет только консервироваться и приобретать изощренные, современные и совершенные формы (экстремизм, кибермошенничество, коррупция и т.д.) [5].

Делая критические и эмпирические выводы по данному вопросу отметим следующее:

Во-первых: участие общества эффективно только для определённых видов преступлений - особенно имущественных и уличных. На организованную преступность и кибермошенничество влияние минимально.

Во-вторых, эффект сильнее в малых и средних городах, чем в мегаполисах. В Москве народные дружины снижают преступность лишь на 6–8% (по данным ВНИИ МВД, 2023), потому что анонимность выше.

В-третьих, риск «эффекта вытеснения»: преступники перемещаются в районы, где общественного контроля нет. Исследование в Ростове-на-Дону показало, что после организации ТСЖ в центре города кражи «переехали» в спальные районы без ТСЖ.

В-четвертых, без государственного финансирования общественные инициативы быстро угасают. Из 500 НКО, работавших с бывшими заключёнными в 2018 году, к 2024 году осталось около 200 - из-за отмены грантов и ковидных ограничений.

Список литературы:

- [1] Малков В.Д. Преступность как социально-правовое явление, ее криминологические характеристики и основные тенденции в современной России // Общество и право. 2007. №3 (17).
- [2] Росстат - Регионы России. Социально-экономические показатели. rosstat.gov.ru/folder/210/document.
- [3] Пушкин Д.А. Участие общественности в борьбе с преступностью: история и современность // Современное право. 2007. № 11-1.
- [4] Википедия. chrome.2.69i57j0i751j0i512i546j0i751.2902j0j15&sourceid.
- [5] Машекуашева М.Х. Некоторые особенности когнитивного воздействия в рамках профилактических бесед с молодежью по предупреждению экстремистских настроений. Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15. № 5. С. 82-86.

References:

- [1] Malkov V.D. Crime as a socio-legal phenomenon, its criminological characteristics and main trends in modern Russia//Society and law. 2007. №3 (17).
- [2] Rosstat - Regions of Russia. Socioeconomic indicators. rosstat.gov.ru/folder/210/document.
- [3] Pushkov D.A. Public participation in the fight against crime: history and modernity//Modern law. 2007. № 11-1.
- [4] Wikipedia. chrome.2.69i57j0i751j0i512i546j0i751.2902j0j15&sourceid.
- [5] Mashekuasheva M.Kh. Some features of cognitive impact as part of preventive conversations with young people to prevent extremist sentiments. Gaps in Russian legislation. 2022. VOL. 15. № 5. S. 82-86. /13204